

ISSN 1563-0323
Индекс 75878; 25878

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Филология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия филологическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

EURASIAN JOURNAL

of Philology: Science and Education

№4 (172)

Алматы
«Қазақ университеті»
2018

ХАБАРШЫ

ФИЛОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ №4 (172)

ISSN 1563-0323
Индекс 75878; 25878

25.11.1999 ж. Қазақстан Республикасының Мәдениет, ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде тіркелген

Күәлік №956-Ж.

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Зуева Н.Ю. – ф. ғ. к., доцент (Қазақстан)

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Әбдіманұлы Ө., ф. ғ. д., профессор (ғылыми редактор)
(Қазақстан)

Досанова А.М., PhD, доцент м.а. (ғылыми редактордың
орынбасары) (Қазақстан)

Таева Р.М., ф. ғ. к., доцент (редактордың көмекшісі)
(Қазақстан)

Алиптаева Л.Т., ф. ғ. к., доцент м.а. (редактордың
көмекшісі) (Қазақстан)

Джолдасбекова Б.У., ф. ғ. д., профессор, ҰҒА
корреспондент-мүшесі (Қазақстан)

Донна Орвин, ф.ғ.д., профессор, Торонто университеті
(Канада)

Евдокимова С.Б., PhD, асс.профессор, Браун университеті
(АҚШ)

Жаң Жин Жин, доктор, профессор, Пекин ұлттық орталық
университеті (Қытай)

Қарағойишсва Д.А., ф. ғ. к., PhD, доцент (Қазақстан)
Кибальник С.А., ф. ғ. д., профессор, Орыс әдебиеті
институты (Ресей)

Мадиева Г.Б., ф. ғ. д., профессор (Қазақстан)

Морхьс Пост, PhD, профессор, Берген университеті
(Норвегия)

Насие Йылдыз, ф.ғ.д., профессор, Гази университеті
(Түркия)

Риверс Уильям П., ф.ғ.д., профессор, Ұлттық кеңес және
тілдерді дамыту жөніндегі халықаралық оқыту (АҚШ)

Сэт А. Агбо, PhD, асс.профессор, Лейкхэд университеті
(Канада)

Темірболат А.Б., ф. ғ. д., профессор (Қазақстан)

Тымболова А.О., ф. ғ. д., профессор (Қазақстан)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Тонкер А. (Қазақстан)

«Филология сериясы» қазіргі тіл білімі мен әдебиеттану және аралас мамандықтардың өзекті мәселелерін жариялауға арналған.

ҚАЗАҚ
УНИВЕРСИТЕТІ
БАСПА ҮЙІ

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гүльмира Шаккозова

Телефон: +7 747 125 6790

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гүльмира Бекбердиева

Ағила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

ИБ № 1275

Пішімі 60x84 $\frac{1}{8}$, Көлемі 26,6 б.т. Офсетті қағаз. Сандық басылыс.

Тапсырыс № 108. Таралымы 500 дана. Бағасы келісімді.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

«Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2018

Мауленов А.А.¹, Баязитов Б.Б.²,

¹к. ф. н., и.о. доцента, руководитель

Центра исследования казахского фольклора и литературы имени Жамбыла,

²преподаватель Казахского национального университета имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,

e-mail: almas.maulenov@gmail.com; bbaqyt@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОКТЮРКОВ И СОЗВУЧИЕ С ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ МИФОЛОГИЕЙ

У каждого народа своя система мировидения, свой способ восприятия мира. Национальное мировоззрение и система ценностей, которые составляют основу национальной культуры. Они на протяжении тысячелетий подпитывают сознание поколений, укрепляют традиции, убеждения и является основой для познания мира и общения с ним. Наследие казахского народа состоит из мифологических источников, сокровищниц литературных ценностей и фольклорных произведений, уходящих в глубь истории.

Религиозно-мифологическое мировоззрение тюрков можно считать основным в их понимании взаимоотношений человека с космосом, природой, которое отражено в литературных памятниках. Глубокий смысл придается волшебным картинам, раскрывающимся в сюжетах произведений упомянутой эпохи и базирующимся на этих представлениях. В них отражается сила и неразрывная связь небесных тел, животных, труда, использования различных средств в быту. Эти картины будут рассмотрены как средство укрепления распространения на рождение психологического состояния, приукрашивания, влияния, развития убеждений тюркского мировосприятия.

Ключевые слова: национальные ценности, фольклор, коктюрки, литература, внешний мир, мифология, природа, космос.

Maulenov A.A.¹, Bayazitov B.B.²,

¹Candidate of Philological Science, A/Professor, Head

of the Jambyl Center of Kazakh Folklore and Literatureis Research

²Lecturer of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

e-mail: almas.maulenov@gmail.com; bbaqyt@gmail.com

Literature heritage of kokturks and conscious with turkic-mythology

Every nation has an egocentric system of thinking, a way of perceiving the world. It is a national worldview and a world of values that form the basis of a national culture that for thousands of years has absorbed the consciousness of generations, the mood of traditions, beliefs and convictions, which is the basis for the full recognition of the nature of the world and clear communication with the outside world. Depending on the history of the Kazakh people, who do not remember so well, the origin of literary values and folklore works consists of sources of mythological origin. It is important to keep in mind that folklore and literature combine speech, and on the other hand, each of them has its own characteristics. However, the significant structure of both was shaped by the goals, ideals, and aesthetic tastes of our ancestors. Mythical and religious world viewers are the main contributors to understanding the fundamentals and fundamentals of human relationships with nature in Kok Turkish literature. These concepts give the deepest insight into the miraculous manifestations of celestial bodies, animals, labor, and the everyday use of the works of the era, which we talk about in our stories and fables. These views are considered as tools of the Turkic world view, complementing the processes of belief, extravagance, artistic, psychological emotions, reproduction and strengthening.

Key words: national values, folklore, Kok Turks, literature, external world, mythology, nature, space.

Мауленов А.А.¹, Баязитов Б.Б.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
¹доцент м.а., ф. ф. к., Жамбыл атындағы Қазақ фольклоры мен
әдебиетін зерттеу орталығының жетекшісі, ²оқытушысы, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: almas.maulenov@gmail.com; bbaqyt@gmail.com

Көктүріктердің әдеби мұрасы және түркі тілді мифологиямен үндестігі

Кез келген ұлттың өзіндік ойлау жүйесі, дүниені қабылдаудағы бейнелеу тәсілдері болады. Ол сан мыңдаған жылдар бойы ұрпақтар санасына сіңіп, әдет-ғұрып, сенім-наным жоралғыларымен мидай араласып кеткенмен, онда сол ұлттың әлемінің ерекшелігін толықтай тануға, сыртқы дүниемен байланыс әрекетін барынша ашық көрсетуге алып келетін ұлт мәдениетінің негізін құрайтын ұлттық дүниетанымы мен құндылықтар дүниесі өрнектеледі. Қазақ халқының да қойнауы сонау есте жоқ ерте замандарға кететін тарихына байланысты әдеби құндылықтары мен фольклор туындыларының жақұттары мифологиялық бастау көздерден тұрады. Сөз өнері фольклор мен әдебиеті бір жағы біріктіреді, екінші жағы әрқайсының өзіне тән ерекшеліктерін де туындататынын есте ұстағанымыз жөн. Солай десек те, екеуінің де мазмұндық құрылымы бабаларымыздың өмір-тіршілігіндегі мақсаттарға, идеялық-эстетикалық талғамдарына орай қалыптасты. Мифтік-діни дүниетанымдар көк түркілер әдеби жәдігерлерінде адамның табиғатпен, ғарышпен арақатынастарының бастаулары, негіздері туралы түсініктерінің басты арқаулары болып саналады. Міне, осы түсініктер біз сөз қозғағалы отырған дәуірдің туындыларының бойындағы аспан денелері, жануарлар, еңбек, тұрмыстық пайдалану құралдарының құдіреттілікпен кіндіктестігі оның сюжеттері мен фабулаларында ұшырасатын ғажайыптық көріністеріне терең мән беріледі. Осы көріністерді түркілік дүниетаным, сенім үдерістерін үстемелеу, әсірелеу, көркемдеу, психологиялық күй-сезімді туындату, өрбіту, нығайту құралдары есебінде қарастырамыз.

Түйін сөздер: ұлттық құндылықтар, фольклор, көк түркілер, сөз өнері, сыртқы дүние, мифология, табиғат, ғарыш.

Введение

Как у любой нации, истоки духовной культуры казахского народа заключены в мифологии, в древних исторических и литературных памятниках и фольклорном наследии. Мифологическое мировоззрение кокпороков («небесных тюрков») отталкивалось от идеи неразрывной связи человека с природой, с космосом. Поэтому культура и литература кокпороков позволяет понять этапы становления мифологического сознания казахской литературы.

Культура кокпороков, как утверждают исследователи Т. Жумаганбетов, Р. Рахманалиев, А. Каиржанов, С. Сүңғатай, Б. Еженханұлы, К. Масабаев, была основана на гармонии этнокультурной самобытности и общечеловеческого содержания. Кок-тюрки сумели, сохраняя собственную этническую идентичность, язык, номадическое мировоззрение, традиции, в то же время соединять и интегрировать разноэтнические массивы каганата. «Визитные карточки» древнетюркской цивилизации – памятники тюркской письменности, написанные на основе рунического, уйгурского и согдийского алфавита, говорят об оригинальности культуры и мышления тюрков. Самым ранним памятником из них яв-

ляется Бугутская надпись (VI в.). Стела была посвящена Таспар-кагану. Надпись, сделанная на согдийском языке и алфавите, повествует о создании государства, деяниях Таспар кагана, принявшего буддизм. Б. Еженханұлы отмечает, что тюрки вели полидиалог, основанный на тюрко-согдо-китайском синтезе языков (Еженханұлы, 2005:26). Он приводит в доказательство перевод на тюркский язык «Нирвана-сутры» – индо-буддийского трактата с языка брахми.

В китайских источниках есть немало сведений о взаимовлиянии тюркской и китайской культур, о существовании в танскую эпоху китайско-тюркского словаря, не дошедшего до наших дней. Махмуд Кашгари утверждал, что к XI в. согдийский язык уже выходил из употребления, поглощаясь тюркским языком. Немецкий тюрколог Г. Дерфер приводит 1728 слов тюркского происхождения в языке фарси. Тюркские слова активно проникали в древнерусскую речь, в арабский язык. Все это свидетельствует о том, что литература у кок-тюрков была высокоразвитой. Рунической письменностью тюрков пользовались кок-тюрки, тюргеши, карлуки, киргизы, огузы, кимаки, кипчаки и др. субэтносы. Всего в современной науке открыто уже около 300 памятников рунической письменности. Одним из

таких памятников тюрков являются орхонские памятники. Автором эпитафий в честь Бильге кагана и его брата Культегина, созданных в 732-735 гг., является историограф Йоллыг-тегин. Для нас важно то обстоятельство, что у кок тюрков был налицо «прогресс научной мысли», что «за 200 лет своей истории они, видимо, одолели перевал от мифического, образного мышления к историческому и рациональному».

Исследователи древнетюркской истории считают, что эпоха Тюркского каганата – исключительное время для мировой цивилизации: именно тюрки стали связующим звеном между средиземноморской и дальневосточной культурами. На стеле Кюльтегина высечены слова, обозначающие их роль в движении истории: «Когда было сотворено вверху голубое небо, а внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели на царство предки мои – Бумын каган и Естемн каган. Сев на царство, они охраняли государство и установили законы тюркского народа». Они заявили о себе на мировой арене как наследники хунну и усуней, в основании их истории лежал миф о происхождении от мальчика, вскормленного волчицей. Во времена правления Бумына с тюрками старались устанавливать дипломатические отношения великие китайские державы, этноним «тюрк» объединил все кочевые племена, то есть, наряду со значением «сильный» имел значение «вместе, сообща», что нашло отражение в тюркской мифологии. Современные историки и политологи доказывают, что понятие Мәңгілік Ел зародилось в тюркской среде. Стяги тюрков украшала золотая голова волка (бори), что подчеркивало военную мощь тюрков. Тюрки считали себя Вечным народом (Мәңгілік Ел), находящимся под особым покровительством Тенгри, поэтому называли себя кок-тюрками – небесными тюрками, миссия которых заключалась в мировом господстве (<http://e-history.kz/ru/contents/view/2633>).

Эксперимент

Л.Н. Гумилев в своих исследованиях о кок-тюрках уделивший внимание культу волка в древнетюркской мифологии, называет волка голубым волком: «кок» означает голубой, синий, небесный. Тюркское слово «курт» является корнем казахского слова «куртулу» (спасение, избавление). То есть голубой волк – священное животное для тюрков, посланник самого Бога неба Кок Тенгри, спасший их племена от

гибели (Гумилев, <http://e-history.kz/ru/contents/view/2633>). В качестве доказательства приводит изображение в верхней части Бугутской стелы, где у ног волка лежит человек с обрубленными руками и ногами. В основу сюжета этого мифа положена история рода Ашина, проматерью которого была волчица. В китайских летописях, по утверждению Н. Бичурина, есть легенда о дочери одного из вождей хунну, которая вышла замуж за Волка.

Спасительная миссия Волка часто встречается в древнетюркских сюжетах. Огуз-каган в одноименном эпосе перед походом напоминает своим воинам: «Я стал вашим каганом, возьмем луки и щиты, тамгою пусть будет вам благодать, кок бори пусть будет ураном». В эпосе «Эргенекон» голубые тюрки, сыновья Ильхана Кыян и Ногуз получают помощь от синегривой волчицы. Тот же сюжет встречается в татарской легенде. В хакасском эпосе «Албынжи» Ах пуур – Белый Волк – постоянный спутник батыра Албынжи. В алтайском эпосе «Ак Тойчы» покровителем героя также выступает Белый Волк.

Башкиры считают Волка своим тотемом: башкур означает «матерый волк». «Голубогривые волки» – наименование богатырей в кыргызских дастанах. В кыргызском эпосе «Манас» часто употребляется выражение «Мой Кок-Бору солтан». О самом Манас-хане говорится: «Манас был недаром учен, Волчьим слухом был наделен». В азербайджанских мифах герой, съевший волчье сердце, – сын волка, Гоок бори. У туркмен и узбеков Гоокбори – символ сильного потомства. В книге даде Коркута также подчеркивается значение священного волка в жизни его героев. В якутских сказках духи-спасители похожи на волков.

Тюркский миф о Спасителе волке использован акыном Суюнбаем Аронулы:

Волчья голова – мой клич удалой.

Стяг мой – с волчьей головой.

Когда реет волчье знамя,

Дух мятежный владеет мной.

Голубые тюрки разработали свой метод познания Вселенной и комплекса представлений о его устройстве и космогонии и отразили их в древнетюркских письменных памятниках «Ырк-битиг» (Книга гаданий), «Огуз-намэ», а также в орхон-енисейских эпитафиях. В тюркской мифологии Вселенная разделяется на три сферы: верхний мир – небо, средний – земля и нижний – подземный мир. Такова модель вертикального

мироздания в мифологии древних тюрков. Согласно концепции горизонтальной Вселенной, мир разделён на четыре стороны – Восток, Юг, Запад, Север. В древнетюркских источниках стороны света именуются так: вперед – солнечный восход, справа – полдень, назад – солнечный закат, слева – полночь. В эпитафии Кюль-Тегина упоминается вертикальная картина мироздания (Большая надпись в честь Куль-Тегина): Когда было сотворено вверху голубое небо, внизу темная земля, между обоими были сотворены сыны человеческие. В тексте хорошо отражена трехсферная поэтическая концепция:

– верхний мир вместе с Кок Тенгри и Умай проживают духи, как Мангдашира, Майтора, Япкара, Шалйима, ответственный за погоду Уркер, хозяин грома Насигаи и др.

– средний мир – середина неба и земли. Здесь обитали Йер-Су («Священная Земля – Вода») и его свита, состоящая из добрых духов, всесильный Ио-кан, вода, земля, горные духи и люди.

– нижний мир, в котором обитают Эркилхан, его девять сыновей: Караш, Маттир, Шингай, Кёмирхан, Бадишбий, Ябаш, Темирхан, Учархан, Керейхан и две дочери Киштейана, Эрке Султан, смертоносный Бюрт (бог кошмара).

Такое понимание мироздания в каком-то смысле раскрывает место небесных культов в формировании традиций и поверий, религиозно-философского мышления, мировосприятия и фольклорных сюжетов древнетюркских народов. Древнетюркская космогония имеет мифологический характер. Особое место в ней занимают святые горы, родники, перевалы, реки, поскольку в таких местах происходило соединение подземного мира со средним миром. У древних тюрков не видеть солнце и луну считалось большим горем, и сравнивалось со смертью. В орхонских памятниках встречаются подобные сюжеты: «Я не стал ощущать солнце и луну на голубом небе, горя, от вас моих и от земли моей я отделился (т.е. умер)». Тюрки считали, что каждое тело на свете состоит из трёх частей: из тела, костей и души, а душа, в свою очередь, состоит из следующих компонентов: тин, кут и сюр. Согласно мифам, Кок Тенгри дарует будущим матерям кут (счастье и изобилие), тин (дыхание) и сюр (душа, сердце). После кончины человека кут, тин и сюр в его теле расщепляются и поднимаются на небо, воссоединяясь с духом предков. Древние тюрки не считали смерть «настоящей». Согласно их поверьям, жизнь продолжается в другом пространстве. Вместе с телом умерше-

го хоронили коня, еду и пр. Существовала вера, что при идеальном исполнении обычаев души предков будут помогать во всём. Невидимый мир составляют Кок Тенгри и священные духи. Кок Тенгри обитает на самом высоком уровне, в нижних – остальные духи по рангу и значимости. Духи ездят верхом на небесных конях (Это часто встречается в сюжетах «Бркбитиг»). Поэтому им приносили в жертву коней, божественных животных, принадлежащих богам и духам.

Видимый мир, по представлениям тюрков, состоит из солнца, луны, звёзд и радуги. Здесь рождаются и проживают дождь, снег, ливень, гром, в его состав входят различные космогонические тела. Средний мир, как и небо, делится на видимый и невидимый. В невидимом мире обитают горные, лесные, водные, ущельные, пещерные, родниковые и другие духи. Видимый средний мир населен людьми и животными.

Невидимый подземный мир принадлежит злым духам во главе с тёмным божеством – Эрлигом. Он почитался как символ смерти. Видимые границы подземного мира, как верили тюрки, это поверхность земли, трещины, подземные пещеры. Кроме того, подземные и подводные животные также были под владичеством Эрлика. В мировоззрении тюрков Вселенная считалась постояннодвигающимся и обновляющимся пространством. Главная функция Вселенной проявляется в непрерывности и обновлении жизни.

В мифо-религиозном мировоззрении кокпороков видны истоки, связывающие человека с природой и с космосом. Мифологические и архетипичные понятия встречаются в сюжетах и фабулах произведений той эпохи как могущественные небесные силы. Об этом повествуется в легенде о Зарине, возникшей в эпоху кокпороков и сохранившейся в восточном сказочном цикле. Сюжет построен на истории любви сакской царицы Зарины и сына мидийского царя, принца Стриангея. Зарина владеет всеми секретами воинского искусства, возглавляет отряд amazонок, во время охоты оказывается в окружении мидийцев, возглавляемых принцем Стриангеем, который спасает ее от гибели. Через некоторое время муж Зарины Мермер берет в плен юношу, который, верный данному им Зарине слову не поднимать меч против ее соплеменников, отказывается от поединка. Мермер жаждет крови, Зарина, думая прежде всего о благе всех, требует от мужа оставить принца в живых. Используя свою власть царицы, она приказывает воинам остановить Мермера. Принц понимает мотивы ее поведения и, в свою очередь, просит ради мира

и дружбы между народами воссоединить свои жизни. Зарина, давая ему через год отрицательный ответ, объясняет мотивы своего поведения долгом перед своим народом и страной (Большая надпись в честь Куль-Тегина).

В этой легенде, насквозь пронизанной интертекстуальными связями с тюркской мифологией, можно увидеть отголоски философии матриархата: действующими лицами выступают амазонки и Зарина представлена как символический образ их вождя. Ее отказ от любимого человека глубоко мотивирован: «Но не могу быть твоей женой. Если мы поженимся, ты станешь царем, я буду царицей. Мой народ и я станем твоими поданными. Я не хочу строить свое счастье на горе своего народа. Для меня самое главное не любовь, а свобода моего народа» (Большая надпись в честь Куль-Тегина). Саки больше придерживались матриархата и его идеологии, чем мидийцы, о чем свидетельствует мифема «свой-чужой»: «...я буду царицей, и мой народ тоже станет твоим поданным». В легенде отражен культ вождя, заданный в сакской среде, где слово вождя – закон и воля народа – закон для вождя: «Для меня самое главное – свобода моего народа».

В одном из первых произведений древнетюркской литературы, известной в научной среде как «Малая надпись в честь Кюль-Тегина» также можно обнаружить глубокие связи с древней мифологией. «Малая надпись» входит в комплекс погребальных сооружений, который расположен в урочище Кошоцайдама на берегу Кокшин-Орхона в 400 км западнее г. Улан-Батора. Малая надпись представляет собой надпись на каменной стеле, которая входит в погребальный комплекс Кюль-Тегина и его жены. Стела имеет форму усеченной пирамиды, высотой более трех метров и расположена на спине огромной мраморной черепахи, которая стоит неподалеку от входа в храм. На стеле высечены рунические тексты – Малая и Большая надпись в честь Кюль-Тегина и надпись на китайском языке.

«Малая надпись» посвящена описанию событий, происходивших в Тюркском каганате в середине VI века. Эта эпоха представлена как идеализированное прошлое тюркского народа. Она содержит сведения о становлении и укреплении Восточно-Тюркского каганата, об освобождении тюрков от китайского ига и о военных походах во главе каганом и его братом полководцем Кюль-Тегиним. Здесь в идеализированном

виде созданы образы конкретных исторических личностей, правителей и военачальников.

Признаком его принадлежности к письменной литературе является наличие конкретного автора, который является родственником правящего дома Йолыг-Тегин (Йоллыг-тегин Ижаныхан). Йолыг-Тегин стремился внушить своим современникам и потомкам мысль о необходимости прочного единства тюркского государства, осуждал мятежи и междоусобицу. Верность идеалам предков, верность и повиновение беков и народа кагану является основной идеей орхонских писем.

Об этом повествуется в эпитафиях Кюльтегина:

Тәңірдей, тәңірден жаралган,
Түрк билге қаған.
Бул шақта отырдым,
Сөзімді түгел естіндер:
Бүкіл жеткіншегім, ұланым,
Біріккен әулетім, халқым...
Сөзімді мұқият тыңда,
Терең ұқ (Большая надпись в честь Куль-Тегина).

Что является подтверждением слов Гегеля о том, что «владеющие духовными ценностями какое-то событие, личный характер, действие... в художественном произведении выражаются в чистом виде».

Исследователи считают, что в орхонских письменах о Тоньюкуке, Кюльтегине, в эпосе «Огуз-наме» и в других общетюркских литературных памятниках явно видны следы тюркской мифологии, что в свою очередь нашло отражение в идеологии шаманизма и в выражении романтического боевого духа в казахской устной и письменной поэзии: «Мы были народом вольным, если в человеке есть свой «Я», тогда он живая личность. «Я» – это дух. Без духа народ – безвольная толпа. Люди из народа всегда говорили от своего имени «Я».

Этот «Я» мы встречаем в размышлениях Тоньюкука:

Я был человеком слова...
Ночью встревожен,
Днем как стреножен.
Алая кровь не моя, так чья?
Жгучий пот бежит в три ручья.
В дар народу труд мой и сила,
В дальних походах врагов косил
(Легенды о Зарине).

Асана Кайгы:

Ай, хан, если я не скажу, не знаешь!..

Казтугана:

...С буграми висков, выпирающих стынь,
В доспехах из блестящих пластин.
На вид, как султан, довольный собой,
Стреляю украшенной шелком стрелой.
Искусному пастырю столько отар
Не чужд мне ничуть красноречия дар.
Отбившихся вновь пригоняю в загон,
Я тот, кто исправит малейший уклон.
Я – клык белопенный верблюда самца,
Крылатый властитель озерной воды.
Я тот, кто луну смог очистить от туч,
От бредней неверных и лжи мусульман,
Очистивший веру жырау Казтуган!...
(Надпись в честь Тоньюкука).
(Перевод Ауезхана Кодара).

Как видим, Казтуган-жырау создает свой автопортрет в лучших традициях древнетюркских поэтов. До этого такой же автопортрет был создан Тоньюкуком. Древний автор тюркских текстов тоже строго автобиографичен. Он точно определяет свою роль среди вершителей судеб народа. Тоньюкук пишет: «Тогда советников я был и предводителем войск. Эльтериш-кагану... тюркскому Капаган кагану...» Он, этот советник, вовсе не скромничает. Почти саморекламой звучат слова: «Каган его – герой, а советник у него – мудрый». Автор величает себя «мудрый Тоньюкук». Но это в общем контексте древнетюркской мифологической традиции воспринимается не как восхваление самого себя, оно больше звучит как выражение ответственности за судьбы как отдельного человека, так и народа в целом. У поэта-жырау функции больше пророческие, он – маг, жрец, провидец, говорит на равных с каганами и ханами, не только от соево имени, но и от имени народа и истории. Такая миссия возложена на него самим Небом.

У древних тюрков существовал дуализм неба и земли, а человек выступал их третьим компонентом:

Когда вверху возникло Голубое Небо,
А внизу – бурая Земля,
Между ними возникли сыны человеческие...
(Большая надпись в честь Кюльтегина).

То есть, тюрки столь же изначально, как Небо и Земля. Они как бы посредники между

этими космическими силами, земные проводники воли Неба. Здесь нужно отметить появление первичных признаков тенгрианства. Ч. Валиханов, написавший ряд статей о тенгрианстве в казахской степи, отмечал сохранившиеся у казахов обряды старины: «Если прольется молоко, киргизы все (очищают), чтобы не оставить их (не осквернить)». Белое было священным для наших предков. Тюрки в своих письменных памятниках выражали свое стремление увековечить себя в слове. Ибо они уже знали, что слово, когда западет в душу, в «утробу» духовную, начнет отдаваться в сердцах людей и поколений. Поэтому можно утверждать, что эти каменные книги и изваяния принадлежат не только вечности, но и людям, духовно с ней связанным.

Тоньюкук оставил описание своих деяний в орхоно-енисейских гранитных стелах. Язык Тоньюкука не только красноречен и художественен, он глубоко поэтичен: «Я, не спал по ночам, не имею покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу (свои) работу и силу; и я же сам направлял дальние военные набеги».

Древние тюрки с особым трепетом поклонялись своему верховному богу – Кок-Тенгри, почитая также и природные объекты – горы, реки, озера, деревья. Как и все древние народы, они стремились к возвышенному и испытывали перед ним понятный страх, страх и благоговение от неосозанного и неприкосновенного. На практике ими был выработан особый структурированный комплекс, в системе которого каменные изваяния с древним кругом представлений о «центре мира», «древе жизни» являются универсальными символами связи трех космических зон (небо, земля, преисподня).

Добрые сакральные силы, содержащие в себе созидательное и плодотворное, обладают важным свойством – освящать все и оберегать всех. В этом их всеобъемлющая и высшая ценность. Однако приобщение к ним возможно лишь через таинство. Религиозные представления древних тюрков основывались на этом понятии. Скульптура и надпись у могил предка были священной нитью между живущими на земле и богом на небе. Реализацию тенгрианской мифемы «душа улетела в Тенгри» мы видим в поэтической надписи Кюльтегина: «Умер, улетела душа в небо, Тенгри его сделал живым».

Результаты и обсуждение

Древние тюрки осваивали мир на уровне мифопоэтического мышления. Поэтому практическое освоение не наносило ущерба и приводило к гармоническому сосуществованию человека и природы. Итак, мир воспринимался как единое целое, складывались убеждения, привычки, принципы, верования, которые придавали человеческому бытию смысл.

Тюркская культура со своим языком, со своим образно-мифологическим мышлением явилась основой казахского миропонимания. Архаичные черты доисламского кочевого образно-мифологического мышления сохранились и после вхождения казахского народа в исламский мир.

Среди традиционных духовных ценностей, веками формировавших национальный менталитет казахского народа, главным был культ вселенческого космического божества – Тенгри. В просторечии тенгри казахами используется и как синонимы Аллаха. Во времена коктюрок он воспринимался как Бог космический, божество-миросоздание.

Такую интерпретацию можно увидеть в казахском лиро-эпосе «Козы Курпеш – Баян Сулу». Чокан Валиханов одним из первых исследовал древнюю поэму, повествующую о печальной судьбе двух влюбленных, рано покинувших белый свет, описал мавзолей влюбленных и обратил внимание на мифологическое происхождение сюжета. О древности и мифологичности поэмы говорил и Мухамеджан Тынышпаев. Ученый отметил, что многие персонажи историчны, а места действия легко узнаваемы. По мнению Т. Асемкулова, в этой романтической поэме единая тюркская мифологическая система нашла наиболее яркое выражение. Первоначальная дуалистическая идея борьбы Божеств добра и зла была десакрализована и превратилась в любовную драму. Тюркский мифологический дуализм нашел воплощение в образе космического марала. Образы двух детенышей маралов в эпосе указывают на двоemiриe. Когда убивают их мать, они получают свободу.

Сюжет легенды построен на противоборстве двух сил – добра и зла. Два знатных человека, Кара-бай и Сары-бай встретились в степи во время охоты и решили породниться через своих детей. После смерти отца аул Козы-Корпеша откочевал в отдаленное место. В ходе боевых столкновений в ауле Баян-Сулу стали хозяйничать калмыки, одно из тюркоязычных племен, находившееся в конфликте с сородичами Карабая.

Один из них, Кодар, решил жениться на Баян. Но Баян придумывает разные причины, чтобы отложить эту свадьбу. Ее дядя отправился на поиски Козы-Корпеша, чтобы сообщить о положении, в которое попала его невеста. Затем происходит столкновение Кодара и Козы-Корпеша. Затем коварному Кодару удается выследить юношу в местности Куркульдек и убить его. Баян-Сулу вместе с родичем убитого – Айбасом подъезжают к месту встречи с Козы-Корпешом и находят его тело, лежащее под одиноким тополем. Девушка оплакивает смерть возлюбленного, положив его голову на свои колени. Позже ей удается отомстить Кодару за убийство своего суженого. Богатый караванбаши, решивший жениться на Баян, возводит по ее просьбе надгробие над погибшим Козы-Корпешем. По завершении строительства девушка убивает себя кинжалом. Ее хоронят рядом с возлюбленным.

Несмотря на жизненные препятствия и трудные обстоятельства красавица Баян, отличавшаяся умом и верностью, показала величие своего духа, бесстрашно переступила через грань жизни и смерти, чтобы воссоединиться со своим возлюбленным в ином мире. В поэме сакральны и образы двух героев-отцов Карабая и Сарыбая. Сарыбай – образ бога солнца, Карабай – его противоположность, образ бога тьмы. Козы (сын Сарыбая) – образ вечного света. Возлюбленная Козы красавица Баян, может быть, – образ один из утренних звезд. Мать Козы Мамабике – богиня печали и др., Кодар – бог колодца (вода); все это свидетельствует об экзистенциальной сущности человека. Поклонение Тенгри показывает непримиримую борьбу между добром и злом. В «Козы Корпеш-Баян Сулу» эта борьба отражена в поступках Карабая и Сарыбая. Скрытый мифологический смысл в тексте укажет нам путь между светом и тьмой.

Н. Келимбетов считает, что истоки казахской словесности начинаются с рунических писмен. Но предполагает, что существовали старинные эпические поэмы, которые послужили возможным источником для подражания создателю Культегина, Тоньюкука. К таковым он относит сакские и гуннские литературные памятники, дастаны, как «Алып ер Тонға», «Шу батыр», «Аттила», «Оғыз қаған», «Көкбөрі» и «Ергенекон» (Антология казахских жырау, 8). Ученые М. Жолдасбеков, К. Салгара, А. Сейдимбек считают, что тенгрианство в тюркском каганате был государственной религией (Келимбетов, 2000). По мнению Т. Журтбая, «на Востоке хунны, южные саки, западные саки все почитали небесного

бога Тенгри, это историческая правда» (Жолдасбеков, 2001: 38). Из этого можно делать вывод о том, что в дастанах «Алып ер Тонға», «Шу батыр», «Аттила», «Оғыз қаған», «Көкбөрі» және «Ергенекон» отражены культ вождя, вечная борьба между добром и злом, соотворение Земли и Небо, то есть все атрибуты архетипических знаков древнего верования, которые стали основой для коктюркской мифологии.

Одним из таких произведений является книга «Ырг битиг», созданная на тюркском языке при помощи горизонтального рунического алфавита. Она представляет собою 29 согнутых тетрадью листов с текстом из 104 строк. Ценность ее в том, что она, во-первых, написана руническим алфавитом, который считался приспособленным только к выбиванию на камне. Во-вторых, эта книга расширила сроки обращения к руническому письму на несколько столетий. Ведь получается, что руническое письмо употреблялось не только в VII-VIII веках при сооружении поминальных стел, но и на три века позже. В-третьих, в колофоне употреблено древнетюркское слово для обозначения книги Битиг, а не арабский китаб, хотя арабы уже несколько лет старались установить свое господство в сфере культурного влияния в Туркестане. В-четвертых, эта книга, можно считать, подпольная, так как создавалась в манихейском монастыре, в то же время она полностью языческая, шаманская, как характеризует ее академик С.Е. Малов, в-пятых, она являет собою вполне самостоятельное литературное произведение.

Текст книги состоит из 65 небольших притч. В конце рукописи – колофон, написанный красными чернилами поверх китайского буддийского текста. *Заглавие книга имеет, но непосредственно перед колофоном стоят слова:* «Эта книга гаданий хороша!». Это словосочетание «Ырыг битик» перевели как «Книга гаданий». Но возможен вариант перевода как «Книга знамений». Последнее будет наиболее верным, поскольку она состоит не столько из гаданий или знамений, сколько из нравоучений и притч.

Уже в колофоне все перемешано – тюркское, манихейское и буддийское: «В год тигра, вторую луну, пятнадцатого дня я, младший клирик из монастыря «Обитель Великого Облака», выслушав предзнаменования духовного наставника, написал это для старшего брата, исиг-сагуна Ит Ачука». Указанную дату исследователи расшифровывают как 17 марта 930 года, другие как 4 марта 942 г.

Терминология колофона позволяет предполагать, что книга написана в манихейской среде. Обычны для тюркских манихейских текстов такие слова как манистан – монастырь, динтар – священнослужитель. Буруа – предзнаменование. Санскритский термин гуру – духовный наставник, встерчающийся в колофоне, характерен более для буддийской среды, чем для манихейской.

Наиболее квалифицированное издание «Ырыг битига» предпринял известнейший тюрколог Вильгельм Томсен. До настоящего времени оно остается единственным приемлемым для изучения памятника. Издание Томсена совмещает транслитерацию с транскрипцией и фиксирует пунктуационный знак – словоразделитель. Он сохранил графическую основу текста, включая все ошибки и описки автора частично оговорил их. Собственную стилистическую разбивку каждой притчи дает И.В. Стеблева, она доказывает стихотворную форму произведения (Стеблева, 1971).

Исследователь А. Габен отмечает воздействие манихейской и в какой-то степени христианской литературы на «Ырыг битиг». И.В. Стеблева усматривает влияние манихейства и на содержание памятника. Оно сказалось в противопоставлении добра и зла. Но «Ырыг битиг» собраны не христианские, не манихейские, не буддийские притчи, а народно тюркские поверья.

Сентенции составляют порой несколько строк: «Рассказывают: муж-воин отправился в охоту. В горах он камлал (говоря): «Эрклиг – небесный (Бог)!» так знайте – это грешно!» нет, это и в самом деле подпольная литература, так как в манихейском заведении рассказывают о шаманском камлании и превозносят тюркского бога Эрклига – владыки подземного мира, противопоставляя его божествам Верхнего.

В другой сентенции героизм юноши проявляется не в божественном прозрении, а в выполнении того, что почитается героизмом в народе: «Рассказывают: сын героя-воина пошел в поход. На поле боя Эрклиг сделал его своим посланцем. И говорят: когда он возвращался домой, то сам он приходит знаменитым и радостным со славою мужа, достигшего зрелости. Так знайте – это очень хорошо!».

Слабое отражение следов манихейства в таком скорее фольклорном, чем религиозном тексте, как «Ырыг битиг», хотя и созданном в манихейской обители, предпочтение тюркского алфавита манихейскому, свидетельствуют о сильных позициях тюркского языка среди послушников, их учителей и заказчиков.

Например:

Ер жүрек батыр соғысуға аттанды.
Жорықта аты жарамай қалды.
Сол сәтте оған аққу кездесіп,
Ер жүрек жігітті арқасына отырғызып,
Ұшып, онымен бірге кері жолға түсті.
Баласын аман-есен әке, шешесіне жеткізді.
Баласының тірілігіне олардың қуанышында шек жоқ.
Біліп қойыңыздар халайық: бұл – жақсы»
(Стеблева, 1976).

Мы здесь видим тотемические, анимистические древние верования тюрков, которые в трудные минуты таинственным образом в образе животных или птиц помогают человеку. А в тексте все это дается при помощи художественных средств аллегорий.

На эти особенности указывает Т. Енсенулы: «Сами стихи загадка, его структура тоже загадка. Идея и мысль стихов тоже таинственны... каждый стих высоко художественное маленькое произведение, имеющее глубокий смысл философско-поучительного содержания» (Гадательная книга Ырғ Битиг). До этого тюрки в «Огуз-наме» показывали процесс соотворения мира. Здесь они через гадания узнают судьбу человека.

Не исключено, что «Ырғ битиг» оставил свой отпечаток в китайской «Книге перемен». Китайцы его доделали, совершенствовали. Тюркский литературный памятник с одной стороны прост, другой – имеет глубокий смысл с подтекстом. И.В. Стеблева по этому поводу пишет, что «Книга знамений» – небольшая поэтическая миниатюра, которая знакомит нас с доисламским бытом, повериями тюрков (Енсенулы, 1996). И катерны великого Нострадамуса тоже многозначны. В «Ырғ битиг» отражены постулаты тенгрианства, выражается любовь к одному Богу, вера в него, за нарушение которой бог сурово карает.

Аңшы тауға қарай, аңға кетті,
Аңның ізіне түсем деп, төмен домалап кетті.
«Көк Тәңірісі бәрінен құдіретті» –
Халық солай депті.
Өздеріңіз білесіздер,
Бұл еш жақсылық емес, түсінесіздер.
(Перевод на казахский Т. Енсенулы)

Обратим внимание, что мысль о возможности победы над смертью звучит раньше Коркута, Алып Ер Тога, Гильгамеша. Вышеприведенные строк и показывают, что смерть отступает, а жизнь побеждает. Таких строк в «Ырғ битиге» множество. Одна из них:

Тақуа кемпірді ажал алуға келіпті.
Сонда ол май құятын ожауын ұстап,
Жаналғыштың аяғына жығыла беріпті.
Сөйтіп тақуа кемпір ажалды жеңіпті.

По этому поводу С. Кондыбай пишет: «...Афрасиаб тоже бежит от смерти. Это адекватно сюжетным архетипам казахской легенды о Коркуте» (Кондыбай, 2004: 346). В казахской легенде Коркут борется со смертью, играя на кобызе, но смерть является к нему в виде змеи. Этот мифема отражена и в «Гильгамеше»:

...Ол ұстады гүлді, өз қолын түйретіп,
Кесті аяқтарындағы ауыр тасты,
Алып шықты теңіз оны жағалауға...
Апарам оны мен Урукқа қоршалған,
Жеткіземін халқыма, гүлді сыйлаймын:
Егер кірі адам жасарса,
Мен дәм татам одан – оларда менің жастығым...
Көрді Гильгамеш суатты, сулары салқын,
Түсті оған, шомылды суға.
Сезіп жылан исін гүлдің,
Інінен көтерілді, гүлді әкетті,
Қайтқанда кері терісін тастады...

В обеих мифемах есть вода и змея. Если дальше углубиться в мифы, то в изгнании из Эдема Адама и Евы также виновен змей. Для тюрков зло часто изображается в образе змея. Академик С.Қасқабасов пишет, что человек всегда мечтал о вечной жизни. Он думал о нектаре бессмертия, искал его везде и всюду, но не находил. Тогда он дал волю своей фантазии. Появилось множество легенд и мифов. Одна из таких легенд в казахской устной литературе – о Коркуте.

Казахская литература немислима без протюркских корней, если подходить к каждому тюркскому мифу не с историческими мерками, а как к художественному произведению, оставленному нам предками на длительное хранение, тогда он откроет нам свои секреты. Миф имеет свои законы, свои собственные способы воздействия на каждое поклонение казахов.

Заключение

Осуществленный нами анализ преданий о «Тоньюкуке», «Кюль-Тегине», «Огуз-наме» и других литературных памятников коктюрков позволяет сделать вывод о наличии в них явных следов тюркской мифологии. Одним из таких маркеров является мотив свободы и воли: «Мы были народом вольным, если в человеке есть

свой «я» тогда он живая личность. «Я» это – дух. Без духа народ безвольная толпа. Люди из народа всегда говорили от своего имени «Я».

Автопортрет, созданный Казтуганом-жырау, при всей его образности, вторичен, до этого такой же автопортрет был создан Тоньюокуком. Древний автор тюркских текстов строго автобиографичен, он точно определяет свою роль среди вершителей судеб народа: «Тогда советником я был и предводителем войск. Эльтериш-кагану...тюркскому Капаган-кагану...». Он как советник далеко не скромн, почти саморекламой звучат слова: «Каган его – герой, а советник у него – мудрый», автор величает себя «мудрый Тоньюокук».

Далее сделана попытка определить функции принципов дуализма в литературе кокпороков и их отражение в последующей литературе. По

мнению авторов исследования, дуализм неба и земли у древних тюрков существовал, только у них менее существенным был третий компонент – человек. Тюрки столь же изначальны, как Небо и Земля. Они как бы посредники между этими космическими силами, земные проводники воли Неба. Древние тюрки с особым трепетом поклонялись своему верховному богу – Кок-Тенгри, также почитая горы, реки, озера, деревья. Как и все древние народы, они стремились к возвышенному и испытывали перед ним понятный страх и благоговение от неосознанного и неприкосновенного. На практике ими был выработан особый структурированный комплекс, в системе которого каменные изваяния с древним кругом представлений о «центре мира», «древо жизни» являются универсальными символами связи трех космических зон.

Литература

- Жумаганбетов Т. Древнетюркский каганат: становление и развитие государственности. VI-VIII вв. – Алматы, 2007. – 292 с.
- Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. – М., 2009. – 742 с.
- Каиржанов А. Palaeoturcica: Мир древних тюрков. – Алматы, 1999. – 280 с.
- Сүнгатай С. Еженханұлы Б. Тарихи-мәдени жәдігерлер. Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. – Алматы, 2005. – 80 б.
- Масабаев К. Тюрко-иранские культурно-языковые контакты // Материалы Второго международного тюркологического конгресса «Современная тюркология: теория, практика и перспектива». Ч. 1. – Туркестан, 2006. – С. 60-74.
- Великий тюркский каганат // <http://e-history.kz/ru/contents/view/2633>
- Гумилев Л.Н. Голубые тюрки // <http://e-history.kz/ru/contents/view/2633>
- Большая надпись в честь Куль-Тегина // <http://greylib.align.ru/540/bolshaya-nadpis-v-chest-kyul-tegina.html>
- Легенды о Зарине // www.ertegi.ru/index.php
- Надпись в честь Тоньюокука // <http://www.kyrgyz.kz>
- Антология казахских жырау (в переводах А.Кодара) // <http://otuken.kz>
- Келімбетов Н. Көркемдік дәстүр жалғастығы. – Астана. Елорда, 2000. – 286 б.
- Жолдасбеков М., Салғара Қ, Сейдімбек А. Тарих және тәуелсіздік // Егеменді Қазақстан. – 2001, 30 қараша.
- Жұртбай Т. Дулыға. – Алматы: Жалын, 1994. – 364 б.
- Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы. – М.: Наука, 1976. – 213 с.
- Гадательная книга Ырг Битиг //
- Еңсегенұлы Т. Әдебиетіміздің бастауы – Авестада: монография – А.: Ғылым, 1996. – 214 б.
- Стеблева И. В. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. – М.: Наука, 1971. – 340 с.
- Қондыбай С. Арғықазақ мифологиясы: бірінші кітап. – А.: Дайк-Пресс, 2004 – 512 б.

References

- Antologiya kazakhskikh zhyrau (v perevodax A.Kodara) [Anthology of Kazakh zhyrau] <http://otuken.kz> (in Russian)
- Bolshaya nadpis v chest Kul-tegina [Big inscription in honor of Kul-Tegin] <http://greylib.align.ru/540/bolshaya-nadpis-v-chest-kyul-tegina.html> (in Russian)
- Ensegenuly T. (1996). Adebietimizdin bastauy – Avestada [The beginning of our literature is in Avesta]. Almaty: Gylym, 214 p.(inKazakh)
- Gadatelnaya kniga yrg bitig [Divination book Yrg Bitig] http://www.rbardalzo.narod.ru/yrk_bitig.html(in Russian)
- Gumilev L.N. Golubye tyurki [Blue Turks] <http://e-history.kz/ru/contents/view/2633>(in Russian)
- Kairzhanov A. (1999). Palaeoturcica: mir drevnix tyurkov [Palaeoturcica: The World of the Ancient Turks]. Almaty, 280 p. (in Russian)
- Kelimbetov N. (2000).Korkemdik dastur zhalgastygy [The continuity of artistic traditions]. Astana: Elorda, 286 p.(in Kazakh)
- Kondybai S. (2004).Argykazak mifologiyasy: birinshi kitap [ancient Kazakh mythology: the first book]. Almaty: Daik-press, 512 p. (in Kazakh)

- Legendy o Zarine [Legends of Zarin] www.ertegi.ru/index.php(in Russian)
- Masabaev K. (2006). Tyurksko-iranskie kulturno-yazykovye kontakty [Turkic-Iranian cultural and language contacts] Materialy vtorogo mezhdunarodnogo tyurkologicheskogo kongressa «Sovremennaya tyurkologiya: teoriya, praktika i perspektiva». ch. 1. Turkestan, 60-74 p. (in Russian)
- Nadpis v chest Tonyukuka [Inscription in honor of Tonyukuk] <http://www.kyrgyz.ru> (in Russian)
- Rahmanaliev R. (2009). Imperiya tyurkov. Velikaya civilizaciya [Empire of the Turks. Great civilization]. Moscow, 742 p. (in Russian)
- Stebleva I.V. (1971). Razvitie tyurkskih poeticheskikh form v XI veke [Development of Turkic poetic forms in the XI century]. Moscow: Nauka, 340 p. (in Russian)
- Stebleva I.V. (1976). Poetika drevnetyurkskoi literatury [Poetics of ancient Turkic literature]. Moscow: Nauka, 213 p. (in Russian)
- Sungatai S., Ezhenhanuly B. (2005). Tarihi-madeni zhadygerler [Historical and cultural exhibits]. Almaty, 80 p. (in Kazakh)
- Velikii tyurkskii kaganat [Great Turkic kaganat] <http://e-history.kz/ru/contents/view/2633>
- Zholdasbekov M., Salgara K., Seidimbek A. (2001). Tarihi zhane tauelsizdik [History and Independence] Egemendi Kazakhstan, 30 November. (in Kazakh)
- Zhumaganbetov T. (2007). Drevnetyurkskii kaganat: stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti. VI-VIII vv. [Ancient Turkic Khaganate: the formation and development of statehood. VI-VIII centuries]. Almaty, 292 p. (in Russian)
- Zhurtbai T. (1994). Dulyga [Dulyga]. Almaty: Zhalyn, 364 p. (in Kazakh)

<i>Dilek I., Akhmetova A.M</i> Representation of the artistic concept of «Eternal nation» in «Ai, dunie-ai» («Oh, life!») novel by B. Nurzhekeev	151
<i>Dzhalamova Zh.</i> The problem of correlation between author and main character in the prose of M.M. Prishvin	159
<i>Ісімақова А.С.</i> Қазіргі әдебиеттанудағы ұлттық код: Жанғара Дәдебайдың зерттеулерінде	164
<i>Kabdesheva K.A., Harris O.</i> E. Kandekov's legend «Shayan batyr»: a historic and epic tradition	170
<i>Қадылұлы Т.</i> Қазақ афоризмдерінің көркемдік-стильдік сипаты	175
<i>Мауленов А.А., Баязитов Б.Б.</i> Литературное наследие коктолков и созвучие с торкоязычной мифологией	181
<i>Mukhtar L., Evdokimova S.</i> Peculiarities of the representation of Concept «Childhood» in the novel «A prayer for Owen Meany» by John Irving	192
<i>Отарбаева F.H.</i> Мәтін және интерпретация: көзқарастар мен концепциялар	198
<i>Пірәлі Г.Ж.</i> Ж. Дәдебаев және М. Әуезов шығармашылығы	205
<i>Сәулембек Г.Р.</i> Постмодернистік ирония: мәтінді қайта құрылымдау, нонселекция қағидағы	210
<i>Сейітжанов З.Н., Мекебаева Л.А., Оспанова А.А., Рамазанова Ш.А.</i> Асан Албанның поэтикалық мұрасы	223
<i>Мәмбетов Ж.О., Байтемір А.Т.</i> Қазақ поэзиясындағы ұстаз бейнесі және оның тәрбиелік-эстетикалық мәні	231

3-бөлім Раздел 3
Тіл мен әдебиетті Методика преподавания
оқытудың әдістемесі языка и литературы

<i>Абдықадырова Т.Р., Сәрсенбаева М.С.</i> Рухани жаңғыру: М. Әуезовтің педагогикалық мұрасын заманауи тұрғыда интерпретациялау	238
<i>Адилжанова У.Р., Алиева Б.А.</i> Мәдениетаралық қарым қатынасты дағдыландыруда диалогтық оқытудың маңыздылығы	245
<i>Ибраева Д.С., Салханова Ж.Х.</i> Изучение биографических и автобиографических произведений в вузе	252
<i>Ignatova E.R., Tolmacheva D.S., Sadenova A.E., Zhou. Jinsheng</i> Problems of teaching vocabulary for the formation of writing skills for foreign students, studying the Kazakh and Russian languages	259
<i>Мұқашева М.Қ., Картаева А.М</i> Қ. Бітібаеваның жаңа технологиясы негізінде әдеби эссе жаздыру (М. Әуезовтің «Абай жолы» роман-эпопеясы бойынша)	266
<i>Капасова Д.А., Чекина Е.Б.</i> Организация самостоятельной работы студента при дистанционном обучении с помощью электронного учебника	272

4-бөлім Раздел 4
Мәдениет Культура

<i>Mukhitdenova B.M., Kosanova A.Sh., Arunova A.D.</i> Kazakh traditional music and variety art in XX-XXI centuries	280
<i>Сулеева Г.С., Джансейітова С.С., Құлманова З.Б.</i> Концептуальная роль музыки в родственных видах искусств	293

<i>Atahanova A.N., Userbaeva K.M.</i> Art directions of the development of Kazakh literature in the XIX century	144
<i>Dilek I., Akhmetova A.M.</i> Representation of the artistic concept of «Eternal nation» in «Ai, dunie-ai» («Oh, life!») novel by B. Nurzhekeev	151
<i>Dzhalamova Zh.</i> The problem of correlation between author and main character in the prose of M.M. Prishvin	159
<i>Ismakova A.S.</i> National code in contemporary literary criticism: in studies of Zhangara Dadebay	164
<i>Kabdesheva K.A., Harris O.</i> E. Kandekov's legend «Shayan batyr»: a historic and epic tradition	170
<i>Khadiluly T.,</i> Artistic style of kazakh aphorism	175
<i>Maulenov A.A., Bayazitov B.B.</i> Literature heritage of kokturks and consciouss with turkic-mythology	181
<i>Mukhtar L., Evdokimova S.</i> Peculiarities of the representation of Concept «Childhood» in the novel «A prayer for Owen Meany» by John Irving	192
<i>Otarbayeva G. N.</i> Tex and Interpretation: Views and Concepts	198
<i>Pirali G.Zh.</i> Zh. Dadabaev and M.Auezov creativity	205
<i>Saulembek G.R.</i> Postmodern Irony: deconstruction of the text, the principle of non-selection	210
<i>Seitzhanov Z.N., Mekebaeva L.A., Ospanova A.A., Ramazanova Sh.A.</i> The poetic legacy of Asan Alban	223
<i>Mambetov Z.O., Baytemir A.T.</i> The image of the teacher in Kazakh poetry and his educational-aesthetic role	231

Section 3 Methods of teaching language and literature

<i>Abdykadyrova T.R., Sarsenbaeva M.C.</i> Spiritual renewal: Interpretation of M. Auezov's pedagogical heritages with the passage of time	238
<i>Adilzhanova U.R., Alieva B.A.</i> The importance of dialogue teaching in forming intercultural communication	245
<i>Ibrayeva D.S., Salkhanova Z.Kh.</i> The study of biographical and autobiographical works in high school	252
<i>Ignatova E.R., Tolmacheva D.S., Sadenova A.E., Zhou. Jinsheng</i> Problems of teaching vocabulary for the formation of writing skills for foreign students, studying the Kazakh and Russian languages	259
<i>Mukasheva M.K., Kartayeva A.M.</i> Writing of the literary essay on the basis of new technology OF K. Bitibayeva (According to the epic novel by M. Auezov «the Way of Abay»).....	266
<i>Kapassova D.A., Chekina E.B.</i> The organization of the Student's Individual Work during the distance learning with the help of an elec-tronic textbook.....	272

Section 4 Culture

<i>Mukhitdenova B.M., Kosanova A.Sh., Arynova A.D.</i> Kazakh traditional music and variety art in XX-XXI centuries	280
--	-----